

Все герои вымышлены, все совпадения случайны

...А знаете, что самое интересное? Что у каждой мечты сбылись. У каждой! Поразительно, правда? Хотя шансов не было никаких. Ну посудите сами: три девушки, разбросанные по городам бывшего Союза. Один мужчина. Даже будь он нашим ровесником, повезло бы в лучшем случае одной. А он старше на сорок лет. На целую жизнь. Кем мы были тогда? Да никем. Амбициозные провинциалки, влюблённые дурочки. И он — кумир поколения. Другого поколения, совсем не нашего. Глупо, правда?

И всё сбылось, все желания. Как в сказке. Счастливые, говорите? Ну да, ну да. Счастья хватило на всех, по горло. А вы с какой целью интересуетесь? Фильм хотите снять? О нём? О нас?! А о нас-то зачем? Да нет, я расскажу, мне не жалко. Вы только не перевертите потом. Знаю я вашего брата, журналиста, вам только сенсации подавай, «клубничку». Факты перевернёте, отсебятины добавите, опошлите всё. Деньги приплетёте, квартиры, машины. А мы его любили, понимаете? По-настоящему. Только каждая — своего.

Я иногда думаю, а ведь сколько таких до нас было? Сотни! Его ровесницы, заставшие появление Туманова

на сцене. Брали у него первые автографы, дарили первые букеты. Целовались с мальчиками на танцах под его пластинки. Или бобины? Тогда уже, наверное, были бобины. Я точно не знаю. Не важно. Они ездили за ним на концерты, они выросли вместе с ним. Они видели, как ему вручали Заслуженного. Потом Народного. Они с ним старели. Сотни поклонниц превращались в десятки. Глупо бегать за артистом, когда у тебя уже внуки подрастают. Мы этих поклонниц иногда ещё встречали на московских концертах. Знаете, как страшно, когда тебе двадцать, а вокруг тебя только бабушки? Красиво одетые, пахнущие «Красной Москвой», с высокими прическами, но — бабушки? Ты оглядываешься на зал и понимаешь, что просто потерялась во времени. Случайно вошла не в ту дверь, а выйти уже не можешь. Ни у одной из нас не получилось выйти.

А у них, этих бабушек, получалось. Туманов оставался для них приветом из прошедшей молодости, просто любимым певцом, диск которого внука, если хорошо попросить, поставит тебе в непонятный, сверкающий десятком кнопок магнитофон, чтобы нескучно было на кухне с пирожками возиться. Вот не поверите, из их поколения я не встретила ни одной сумасшедшей. Даже просто со странностями. На редкость адекватные люди. И кто-то из них ведь тоже мечтал, наверное. Но не сбылось. Прожили обычную, нормальную жизнь.

Было ещё среднее поколение. Постарше нас, помоложе Туманова. Вот там — сплошные диагнозы. Что вы усмехаетесь, я в институте судебную психиатрию изучала, так что вполне серьёзно говорю. Костяк

фан-клуба, самые рьяные, самые преданные. За его светлое имя любого порвать готовы. Все песни наизусть, на все гастроли за ним, на последние деньги. Нас ненавидели, конечно. За молодость, за наглость, за то, что не считали их авторитетами. Смешно. Какая может быть иерархия в стайке влюблённых женщин? Я люблю его дольше, поэтому меня надо уважать? Бред!

О, я смотрю, вы и кофе заказали? Хорошая идея. Я без сахара пью, но сливок чтобы не меньше половины чашки. Его рецепт. Глупо, да? У нас много «его» привычек, ввелись за столько лет. Сашка, например, курит, как он, держит сигарету большим и указательным пальцами, не по-женски. Ну давайте, хоть это и не бокалы, а поднимем. За Всеволода Алексеевича Туманова! Не к ночи будет помянут.

Часть 1

САШКА

«Мытищи, Мытищи, любимый город мой...» — бодро запел в наушниках мягкий, обволакивающий баритон. Сашка поморщилась, но перематывать кассету не стала — плеер, старенький, ежеминутно норовящий зажевать плёнку, висел на поясе, под свитером и пальто. Целое дело доставать. Ладно уж, пусть поёт про Мытищи. И какой чёрт её дёрнул записать на кассету такую патристическую муть? У него вон про каждый город нашей страны есть по песне, можно географию изучать. И каждый город «любимый, прекрасный, трудовой». Ну пожил бы сам в Мытищах! Поездил на своём «Мерседесе» по в хлам раздолбанным дорогам, а ещё лучше, пешочком бы походил. В сапогах резиновых, потому что после дождя лужи полметра глубиной. А между ними непролазная грязь вместо асфальта. И не хочешь, а начнёшь в школу сменку таскать, как первоклашка какая-нибудь.

Сашка проводила мрачным взглядом проехавшую мимо машину, убедилась, что других поблизости нет, перешла дорогу. До дома оставалось совсем чуть-чуть. На полторы песни примерно. Без плеера она на улицу не выходила. Голос Туманова скрашивал путь в школу и из школы, пере-

мены и даже уроки обществознания, которые вела подслеповатая учительница, не особо обращающая внимание, чем занимаются старшеклассники на последней парте. Слава богу, обществознание не попало в число обязательных предметов ЕГЭ, нового испытания, ниспосланного родным министерством на ни в чём не повинных выпускников в середине года, без объявления войны. А вот русоведам и математикам не повезло, ой не повезло. Про детей и говорить нечего. Спасибо, хоть пообещали один балл прибавить к любому результату, а то половина их класса точно закончила бы школу со справкой.

Обществознание Сашку не интересовало. Вот биология и химия — полезные предметы, их в мединститут сдают. А общество кому нужно изучать? Оно и так вон вокруг. К сожалению.

Она с шестого класса знала, что будет врачом. Хирургом-травматологом! С того самого момента знала, когда Всеволод Алексеевич попал в аварию. На гастролях в Самаре машина, в которой он ехал, влетела в столб на скользкой дороге. Водитель сильно пострадал, а Туманов, сидевший сзади, получил травму колена. Все газеты захлебывались подробностями. Сашка в состоянии, близком к истерике, каждый день бежала к киоску Роспечати и скупала все издания подряд. В школу потом приходилось идти пешком, на автобус денег уже не оставалось. И на школьный обед тоже. Ерунда, главное, писали, что он поправляется. В Самаре обнаружился какой-то чудо-врач, собравший раздробленный сустав по кусочкам, даже в Москву отправлять артиста не пришлось. Туманов после выздоровления концерт в больнице дал и песню этому врачу посвятил. Прихрамывал, правда, ещё полгода, и у Сашки сердце

кровью обливалось, когда видела, как он на сцену выходит. Вот тогда она твёрдо решила стать врачом-травматологом. Такие травмы — они ведь в старости боком выходят, так мама говорила, когда сама Сашка, лет в пять, руку сломала. Вот наступит у Туманова старость, начнёт снова нога болеть, а Сашка тут как тут. Ещё бы, лучший врач Москвы и области, светило травматологии! Вылечит в момент!

В общем дело оставалось за малым — стать лучшим врачом. А там Всеволод Алексеевич, можно считать, попался. И Сашка зубрила биологию, хотя в шестом классе они учили совсем даже не анатомию, а какую-то дурацкую ботанику. Тычинки, пестики, строение паслёновых. Вот причём тут паслёновые и здоровье Всеволода Алексеевича? Но раз надо, чтобы стать врачом, значит, надо. В восьмом классе химия добавилась, и Сашка с первого дня попала в любимицы химички. Шутка ли, она наизусть таблицу Менделеева знала, всё лето на неё потратила.

К тому моменту Сашка уже всерьёз занялась самообразованием — на сэкономленные карманные деньги купила «Справочник медицинской сестры». Справочник врача почему-то не продавали, так что решила начинать с малого. Очень интересная книга оказалась, столько полезного! И как капельницу ставить, и как постельное бельё менять, и как кормить больного правильно. Сашка зачитывалась справочником, как её сверстницы любовными романами. Только вместо прекрасного принца в её мечтах был Туманов. Приболевший, разумеется, иначе кому она будет ставить капельницы и менять бельё? Она листала страницы и видела его благодарный взгляд, обращённый только на неё.

Со справочником её и застал дядя Вася, мамин брат. Тоже доктор, хоть и не совсем настоящий. Патологоана-

том. Он зашёл к ним «по-родственному», то есть в очередной раз занимать денег на бутылку. И увидел Сашку с книгой. Посмотрел на обложку, присвистнул.

— Зачем тебе это?

— Врачом хочу стать! Травматологом! — простодушно сообщила она.

— Кем? — поразился дядя Вася. — Детка, ты с ума сошла? Травматолог — тяжёлая, мужская специальность. Для неё сила нужна, понимаешь? А ты лучше терапевтом стань! Или, вот, педиатром! Такая профессия для девочки больше подходит!

И ушёл, получив от матери заветную сотню. А Сашка ещё долго возмущённо пыхла. Педиатром! Деток лечить! Ничего дядя Вася не понимает! Профессия для девочек!

Сашка люто ненавидела всё, что полагалось делать девочкам. Носить юбки и длинные ногти, например, красить ресницы и обсуждать мальчиков. Она даже в детстве в куклы не играла. Вместе с пацанами бегала по двору с пластмассовым пистолетом, стреляющим шариками, потом увлеклась баскетболом, в секцию ходила. Мама ругалась, она мечтала о красавице с бантиками и пухлыми щёчками, а получился сорванец с тощими коленками, к тому же вечно ободранными. Так что после того заявления дяди Васи Сашка ещё твёрже решила — будет травматологом.

ЕГЭ Сашку совсем не пугал, сдаст как-нибудь. Тем более, балл накинута. А профильные предметы она знала на отлично. До окончания школы оставалось полгода, серых, унылых, скучных. А потом начнётся настоящая жизнь. Москва! Она будет учиться в Москве, ездить на занятия в город Всеволода Алексеевича. А если повезёт,

ещё и получит там общежитие. Хоть каждый день ходи на концерты! Ладно, будем реалистами, каждый день он концерты не даёт. Но можно же, чисто случайно, встретить его в городе. Особенно если крутиться поблизости от гостиницы, где он снимает офис. Да мало ли возможностей, в Москве-то!

Отношения с Москвой у Сашки были сложные. Казалось бы, вот она — рукой подать. Какие-то несчастные двенадцать километров, полчаса на маршрутке. Но билет на маршрутку стоил больше, чем мама выдавала карманных денег на неделю. А ещё нужно обратно приехать. И в самой Москве что без денег делать? Мама часто повторяла: «Москва — город для богатых». И ещё: «Если все в Москву переедут, кто в Мытищах останется?» Это она про Сашкины мечты перебраться в мегаполис. Мама не любила Москву — большая деревня и цены бешеные. Не по нашему рту пирожок. Мытищи были деревней маленькой, привычной и понятной. Поликлиника рядом с домом, пять минут — и ты на работе. Быстренько прошлась с тряпкой по первому этажу, заглянула в кабинет главврача, там пару раз шваброй махнула, мусор вынесла, подоконники протёрла — и всё, можно назад, домой. После обеда снова в поликлинику, по той же схеме. Хорошая работа: и деньги платят исправно, и хозяйством успеваешь заниматься, муж с дочерью не заброшены. И кому та Москва нужна? Что там делать?

Жить, мама. На освещённой огнями, даже ночью, Тверской, откуда легко добраться до любого концертного зала. И не носить резиновых сапог. Не оглядываться по сторонам, заходя в подъезд, опасаясь вечно обретавшихся там наркоманов. И никогда больше не видеть опостылевшей

Ярославки с её серыми, безликими старыми блочными домами и заброшенными полями сельхозинститута, на которых новые блочные дома ещё не выросли.

Сашка медленно поднималась по бетонным ступенькам, которые безымянный советский отделочник украсил жалким, нарисованным подобием ковровой дорожки — зелёная середина, красные края. Убогая попытка создать уют в заплёванном подъезде. На пролёте третьего этажа оставленная для бродячих кошек пластиковая банка с водой. На щитке четвёртого этажа отчаянная надпись: «Не кормите кошек! Они гадят в подъезде!» Гадилы кошки исключительно возле той двери, за которой жил автор послания. Сашкина мама кошек не прикармливала, но и не пинала, так что их дверь обходили стороной. Лифт, разумеется, не работал. Пятый этаж, шестой. Прибыли.

Она открыла своим ключом, вошла в полутёмную прихожую, швырнула рюкзак на старенькое трюмо, как всегда забыла переставить сапоги на коврик, так и оставила их валяться на давно вздувшемся неаккуратными пузырями линолеуме. Мама уже несколько лет мечтает сделать ремонт в прихожей. Переклеить обои, выкинуть трюмо, поставить вместо него закрытую обувницу, а линолеум заменить на модный ламинат. Но мечты оставались мечтами — без помощи отца ей ремонт не осилить, а папа всегда или в рейсе, или «устал». И, кажется, ему абсолютно всё равно, в какую прихожую вваливаться полуживым от многочасового кручения баранки, если из рейса, или просто пьяным, если работы нет.

Сашка привычно заглянула на кухню, мать в это время всегда занималась обедом.

— Мам, я дома!

Но на кухне никого не обнаружилось. Пожав плечами, прошла дальше по коридору в свою комнату. Тут ей несказанно повезло — мало кто из её одноклассников мог похвастаться отдельными квадратами. Чаще всего комнату приходилось делить или с братьями-сёстрами, или с бабушками-дедушками. У Сашки не было ни тех ни других.

Дверь в её комнату оказалась открытой. С чего бы? Мама старалась лишний раз туда не заходить, чтобы не расстраиваться. Сашка перешагнула порог и застыла в изумлении. Даже наушники сняла. Посреди её комнаты стоял поп. Самый натуральный, с бородой, в рясе. Молоденький, правда, но поп. С кадилом в одной руке и кисточкой в другой. Кадилом он равномерно помахивал в такт молитве, а кисточкой то и дело брызгал на стены. На её бесценные стены! Водой!

В Сашкиной комнате обоев давно не было — они сгнили, исчезли под портретами Туманова, занявшими каждый сантиметр свободного пространства. Сначала Сашка клеила на стены только афиши, где он особенно красивый, специально сфотографированный, в костюме и гриме, с белозубой улыбкой, подретушированный, моложе себя настоящего лет на двадцать. Но афиш было мало, а унылых стен с обоями в выцветший ромбик — много. Тогда в ход пошли газетные вырезки, те, что с фотографиями. Когда закончились и они, Сашка стала распечатывать снимки из Интернета. Интернет был только в школьной библиотеке, и десять проведённых там минут оставляли её ещё на неделю без посещения столовой. Но десяти минут вполне достаточно, чтобы откопать пару-тройку новых изображений Всеволода Алексеевича. Скинуть на дискету. А дома уже напечатать на струйном, чёрно-белом принтере, который

она приспособилась заправлять самыми обычными, для перьевых ручек, дешёвыми чернилами. Чернила текли и пачкали руки, но, если повесить такой портрет повыше, чтобы не тереться об него спиной, получалось очень даже ничего.

И вот теперь на её афиши, на вырезки и на распечатки брызгали водой! Афишный Туманов переживал испытание святой водой стойко, газетный морщился, а распечатанный тёк чернильными слезами.

— Что вы делаете? — отчеканила Сашка, найдя взглядом притулившуюся на подоконнике мать.

— Комнату освящаем.

У матери голос всегда тихий, усталый, как будто выцветший. Сашке иногда казалось, у неё просто не хватает энергии, чтобы чему-то радоваться или удивляться, о чём-то мечтать. Только ругаться энергия находилась.

— Зачем?

— Силу нечистую выгоняем. — Мать встретила с ней глазами, посмотрела с вызовом. — Может, хоть Бог тебя вразумит? Сколько я просила, поснимай со стен чёрта своего старого!

— Вон из моей комнаты, — процедила Сашка, обращаясь и к матери, и к попу одновременно.

— А ты не командуй! Сначала на свою квартиру заработай! — ощерилась мать.

Её любимая присказка! Её квартира — её правила. Знала бы она, как Сашка мечтала отсюда уехать и никогда, никогда больше не возвращаться.

— Да я, в общем-то, закончил. — Молодому священнику было явно неудобно наблюдать семейную сцену. — Пойду. А дочку вы не ругайте, не ругайте. Ну что вы,

в самом деле? Туманов — хороший артист, положительный. Лучше было бы, если б она какими-нибудь рокерами увлекалась или, прости господи, панками? В штаны свои дырявые влезут, головы обреют и орут чего-то со сцены. А потом пьют да блудом занимаются.

Поп ещё что-то говорил матери в коридоре, но Сашка уже не слушала. Захлопнула дверь, подперла ручку стулом, медленно пошла вдоль стен, обзревая ущерб. Все напечатанные портреты нужно менять. Она стала осторожно отклеивать один, особенно пострадавший, он потянул за собой остальные, бумага рвалась, руки дрожали — от обиды. Старый чёрт, говорите? Ну, немолодой. Пятьдесят шесть, чуть больше, чем Сашкиному отцу. Отца мама старым почему-то не считает.

Вот никогда она не могла понять, почему все цепляются к его возрасту. Одноклассники, если хотят посмеяться, всегда тычут именно в это. Всем нравятся пацаны из Backstreet Boys и слащавый красавчик Лео из «Титаника», и они — нормальные. А Сашка чокнутая, потому что её идеал не носит рваные штаны и не трясёт их содержимым перед публикой. Про Лео лучше вообще не думать — Сашку тошнило от массового помешательства на голливудском мальчике. Нет, он, может, и симпатичный, и играет неплохо. Но когда после летних каникул все девчонки из их класса пришли в школу по уши в него влюблённые, с его изображением на футболках, тетрадях, дневниках и даже ластиках, Сашка твёрдо решила не смотреть нашумевший фильм. Из принципа. Никогда ей не нравилось ходить стадом, а уж стадом любить — просто противно.

Впрочем, те проблемы остались в далёком прошлом, в классе шестом или седьмом. К одиннадцатому девчонки